

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

НЕИЗДАННЫЙ
ДОСТОЕВСКИЙ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ТЕТРАДИ
1860—1881 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 1

жизни, минимум бытия»¹⁵. Толстой во многих записях своих книжек анализирует чуждые ему концепции (например, историка Соловьева), опровергает их, обосновывая свой взгляд, но именно опровергает, а не открывает полемики. При всем могучем правдоискательстве Толстого, у него нет темперамента журнального бойца. Если журнальные баталии для Достоевского-мыслителя — необходимая питательная среда, то для развития философии Толстого они помеха, как всякая суета сует.

Мы видим, что записные книжки и по составу, и по значению в творческом процессе, и по характеру записей глубоко отражают личность автора.

До сих пор записные книжки и тетради Достоевского привлекали внимание исследователей главным образом потому, что они содержат ценные материалы творческой лаборатории писателя, которые дают возможность изучить историю создания его великих романов, некоторых повестей и публицистических статей. Такой подход и закономерен и безусловно плодотворен. Но важен и другой аспект изучения, особенно теперь, когда завершается публикация всех дошедших до нас записных книжек и тетрадей Достоевского. Мы рассматриваем их как своеобразные дневники, где работа над конкретным произведением представляется частью духовной жизни автора в высшем ее проявлении.

Особенно ясно обнаруживается здесь связь полифонизма у Достоевского с авторским сознанием, которое органически вбирает в себя многоголосие эпохи.

I. «ПРАВДА ЛИЧНАЯ И ОБЩАЯ». ИСТОКИ ЖАНРА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Записные книжки и тетради Достоевского в какой-то мере предопределили жанровые особенности «Дневника писателя», поскольку и для них, и для «Дневника» характерно свободное чередование художественных, публицистических и биографических заметок, отражающих и современную действительность, и жизнь самого автора.

Иногда внутренняя связь «личного» и «общего» выявляется в результате тесного «территориального» соседства разных записей, сделанных в одно и то же время. В других случаях, переживая и осмысливая события собственной судьбы, Достоевский затрагивает на их основе проблемы большого, общечеловеческого значения.

«16 АПРЕЛЯ...»

Среди «дневниковых» заметок Достоевского особое место занимают его философские размышления, записанные на другой день после смерти жены, М. Д. Исаевой, 16 апреля 1864 г. Смерть эта не была неожиданной. Здоровье Марии Дмитриевны, болевшей туберкулезом легких, резко ухудшилось при переезде из Сибири в Петербург. В последние два года положение стало критическим, и по совету врачей, предлагавших изменить климат, она переселилась сначала во Владимир, затем в Москву. Достоевский оставался в Петербурге, он был поглощен редактированием журналов «Время» и «Эпоха», своей литературной работой. В это же время он пережил страстное чувство к А. П. Сусловой. Его отношение к жене в ту пору очень мало напоминало прежнюю безумную любовь, но оставалось сердечное сострадание к близкому человеку, постоянная забота о ее лечении и благополучии, о ее сыне и, главное, ощущение глубокой, вечной связи с женщиной, еще недавно так много значившей в его судьбе.

«Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?» Поразительна чистота и искренность тона! Достоевский никогда, ни единым словом не пытается преувеличить свое страдание, обнаружить «надрыв», его действительно нет. Но громадность проблем, которые он стремится сейчас уяснить: личное бессмертие, причины развития человеческого общества, возможность будущей мировой гармонии,— сами говорят о масштабах переживаемого события. Рассуждая об извечном противоборстве в душе человеческой эгоизма и жертвенности, пронизывающем решительно все отношения между людьми, и в особенности отношения семейные, Достоевский исходит из откровенного бескомпромиссного анализа своей жизни. «Итак, человек стремится на земле к идеалу,—

противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не приносил любовью в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, т. е. жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе Земля была бы бессмысленна» (стр. 175). Главное нравственное стремление отдельного человека и всего человечества Достоевский определяет так: «Закон я сливаются с законом гуманизма», «И это величайшее счастье». Однако будущее царство гуманизма мыслится лишь по образцу евангельскому (рай Христов): «Не женятся и не посажают,— ибо не для чего; развиваться, достигать цели посредством смены поколений уже не надо» (стр. 173).

Таким образом «величайшее счастье» обрачивается мировой катастрофой, ибо полностью завершившееся развитие означает конец земного существования человечества («„времени“ больше не будет»). И здесь очень ясно проявляется та особенность мышления Достоевского, на которую обычно не обращают внимания исследователи: «отсутствие склонности к мистицизму. Как только мысль доходит до этой границы, тема перестает увлекать писателя: «Все себя тогда почтвует и познает навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе, — человеку трудно и представить себе окончательно» (стр. 174—175). Исследователи обычно ссылаются на идею соприкосновения с «мирами иными» в «Братьях Карамазовых» — в проповеди Зосимы и в знаменитой сцене духовного возрождения Алеша: «Тишина земная как бы сливалась с небесной, тайна земная соприкасалась со звездной... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю (...) „Облей землю слезами радости твоей и люби сии слезы твои...“ (...) Как будто погиб от всех этих бесчисленных миров божиих соплылись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирами иными“. Простить ему хотелось всех и за все (...) Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на века веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг...»¹⁶ Но даже и здесь благодатный смысл мистического мироощущения сводится к тому, что оно укрепляет духовные силы человека, делая его борцом за справедливость в делах земных.

Важно заметить, что в записных тетрадях середины 70-х годов Достоевский с большой энергией подчеркивает отсутствие мистических идеалов в своем религиозном сознании: «Я вам ни одного мистического верования еще не дал», — пишет он, обращаясь к воображаемому оппоненту (стр. 563). И далее: «Я православие определяю не мистической верой, а человеколюбием, и этому радуюсь» (там же). Эта же мысль повторена в «Дневнике писателя»: «В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное»¹⁷.

Несколько раньше он утверждал, что к религии обращается лишь в поисках нравственных оснований жизни: «Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности» (подчеркнуто мной. — Л. Р. — стр. 449). Вскоре Достоевский вновь возвращается к этой теме: «Отделить судьбу мистическую от гражданской. Тут речь вовсе не о [вере] том, об чем вы думаете. Хотя элемент веры очень важен в народе. Здесь же, в настоящем случае, элемент веры в живой жизни есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего — Христос (...) Я вам не представлял ни одной мистической идеи» (стр. 565). Именно так. Самые значительные художественные воплощения христианского идеала Достоевского: Соня Мармеладова, Мышкин, Макар Долгорукий, Алеша Карамазов далеки от мистицизма. Христос для них олицетворяет высшие земные добродетели: самоотверженную гуманность, истинную нравственность.

Очень существенно, что и явление Христа, и мистическое мироощущение человека Достоевский готов подвергнуть научному изучению. В одной из полемических записей, сделанных в конце жизни, он заявляет: «...Огромный факт появления на земле Иисуса и всего, что за сим прошло, требует, по-моему, и научной разработки. А между тем не может же погнушаться наука и значением религии в человечестве,

хотя бы и в виду исторического только факта поразительного своею непрерывностью и стойкостью. Убеждение же человечества в *соприкосновении миров иным*, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно» (стр. 695). Познакомившись, видимо, с теорией Лобачевского, Достоевский пытался связать доказательство пересечения параллельных линий в бесконечном пространстве с мыслью о существовании «миров иных» (стр. 699).

Возвращаясь к записи по поводу смерти М. Д. Исаевой, подчеркнем еще раз, что даже в этом случае, наиболее казалось бы подходящем для размышлений мистического свойства, Достоевский не намерен им предаваться. И даже сама мысль о бессмертии («Увижу ли с Машей?») воспринимается как ощущение непрерывной нравственной связи человека с ушедшими и грядущими поколениями: «Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого я? Говорят, человек разрушается и умирает *если*. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передаст ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям (В пожелание вечной памяти на панихидах знаменательно), т. е. входит частию своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества» (стр. 174).

Но если Достоевский без труда мог отстраниться от мистических вопросов, то он никогда не упускал возможности еще раз высказать свои возражения идейным противникам. Такова была неизбежная логика его полемически развивающейся мысли: «Учение материалистов — всеобщая косность и механизм вещества, значит смерть. Учение истинной философии — уничтожение косности, т. е. мысль, т. е. центр и синтез вселенной и наружной формы ее — вещества, т. е. бог, т. е. жизнь бесконечная» (стр. 175).

Личность Достоевского — человека и мыслителя с большой силой и полнотой предстает перед нами на тех страницах записной книжки, которые посвящены смерти М. Д. Исаевой.

РАСЧЕТЫ И ПРОЕКТЫ АВТОРА «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»

Параллельно с черновыми набросками к роману «Преступление и наказание», сделанными торопливой, нервной скорописью, на соседних свободных страницах Достоевский тщательно ведет подсчеты своих долгов и расходов.

После смерти М. М. Достоевского журнал «Эпоха» остался в крайне тяжелом материальном состоянии, и еще долго, вследствие краха «Эпохи», приходилось платить кредиторам и даже скрываться от них, мечтая о конце этой кабальной зависимости. В записной тетради мы находим «Подробный счет всем долгам». Здесь: «Векселя просроченные, уплата по предъявлению...», «Срочные векселя...» и «Долги на слово...» «Итого всех долгов (...) 15786» (стр. 215—219). А рядом — список расходов, самых необходимых; среди них: «Мне на жизнь — 250» (стр. 216). И как попытка выйти из кризиса — мысль об издании нового журнала или газеты. Рядом с черновиками «Преступления и наказания» четким каллиграфическим почерком ровными столбцами записываются и подсчитываются прибыли от задуманного издания, если оно пойдет успешно. Предусмотрены все издержки и затраты: «при значительном успехе», «в случае весьма значительного успеха» с учетом распространения каждого из двенадцати номеров журнала в Петербурге, Москве и провинции (стр. 219—234).

Личные «дневниковые» записи Достоевского не только соседствуют, но как бы смыкаются с огромной творческой темой социальной неустроенности мира и мучительных стремлений человека найти хоть какой-нибудь выход. Достоевский — плоть от плоти того мира, в котором живут и страдают его герои, он сердцем чувствует их боль и вместе с ними решает «роковые вопросы». Именно такое душевное состояние писателя, когда напряженная работа над романом перебивается отчаянными попытками выйти из собственного кризиса, очень сильно выражено в письме Достоевского А. Е. Врангелю 18 февраля 1866 г.: «Добрейший и старый друг мой, Александр Егорович, — я перед вами виноват в долгом молчании, но виноват без вины. Трудно было бы мне теперь описать вам всю мою теперешнюю жизнь и все обстоятельства, чтобы дать вам ясно понять все причины моего долгого молчания. Причины сложные и много-